

РАЗГОВОР О ТЕАТРЕ

Б. ПОЛЕВОЙ

Мы стоим со старым актером на берегу Селигера и вглядываемся в густеющие сумерки, стараясь зрительно воспроизвести образы давно умерших людей и воскресить картины событий, происшедших здесь 134 года тому назад.

Это плохо удастся. Может быть ранней весной 1805 года, когда само слово «театр» в Осташкове было новым и пронзилось «жизнью», вот так же дул с Селигера порывистый и мягкий южный ветер, так же гулко ухал под парусом вешних вод трескающийся лед, так же воплились на верхушках лохматых берегов хозяйственные трачи. Но сегодняшний день властно врывается в этот старый пейзаж, не давая вообразению двинуться на экскурсию в прошлое.

Над Осташковом разгорается зарево электрических огней. На улицах шумно, по тротуарам движутся толпы пешеходов. Разбрызгивая шишками талый снег, проносятся автомобили. Грузно переваливаясь на стальных гусеницах, движется огромный «Сталинец», и тракторист с выскочки своего сиденья покривляет на ребятишек. Продефилировал куда-то отряд оловянных мальчишек в противогазах. Грустно юнцовой и доушкой в туристских костюмах из пестрой байки проходит по тротуару с любопытством озираясь кругом, и один из туристов — в клетчатом пальто, — вежливо приподняв шляпу, спрашивает у нас, как пройти к местному музею и не поздно ли еще купить билеты в

театр. Жизнь бьет ключом — бойкая, веселая, напряженная жизнь советского районного центра. На ее ярком фоне никак не представишь, что где-то вот тут рядом, где теперь растянулась благоустроенная улица, стоял мрачный, деревянный, недостроенный дом, в котором 134 года тому назад торсточка талантливых, настойчивых и смелых осташей решила дать первое представление вновь организованного профессионального театра. Смелых — это не описка. В те времена только в столице и немногих, самых крупных, городах России были профессиональные театры. Нужно было подлинное мужество, чтобы в жуткое времена Аракчеева, в глухой провинции сколотить постоянную труппу, завоевать зрителя, заставить его полюбить театр, сделать маленький приозерный городок одним из театральных городов России.

Этот театр «по собственному на то почину» организовали живописец Л. М. Колокольников, сапожники — братья Игнатий и Петр Запутяевы, цеховые малярного цеха Илья и Иван Карповы и позолотчик Павел Печкин. Они отыскали в старом журнале комедию «Храбрый капитан», разучили роли, подготовили спектакль. Потом был найден заброшенный дом, хозяин которого, не достроив его, в пьяном виде утонул в

озере. Здесь собственными силами они оборудовали подмости, и вот на масленице 1805 года по базарам и торговым рядам, по лавкам и ларям, по мастерским ремесленников, по городским присутственным местам побежали шустрые мальчишки, объявляя, что сегодня вечером в заброшенном доме, что на углу Преображенской улицы, будет поставлена для всех желающих видеть веселая комедия. Осташки подвигались, но пришли. Зрители попадали в ловкий театр не через подъезд, как это полагается, а по шатким мосткам через окно. За вход брали с них 2 копейки ассигнациями. С желающих разместиться на «почетных местах», т. е. на лежанке, — по 4.

Так возник в Осташкове театр — один из старейших профессиональных театров России. Никаких воспоминаний о первых его постановках не сохранилось. Но надо думать, они были неплохи, так как ремесленники и цеховые, подвигнувшись на театральные подмости, не только сумели привлечь публику, но и закрепить труппу. Надо отдать должное самоотверженности и героизму этих первых осташковских актеров. Платы, которую они взимали со зрителей, едва хватало, чтобы покрыть издержки за костюмы, декорации, освещение.

Работали актеры почти даром. Для того, чтобы вечером выступать на театральных подмостках, они с раннего утра занимались своими делами — тачали сапоги, красили заборы и стены, золотили железные

ризы. Несмотря на это, труппа росла, впитывая в себя талантливых людей, страстных любителей театра. Скоро в нее пришел писец магистрата А. М. Козочкин, ставший в труппе талантливым трагиком. Колторщик торгового дома братьев Савиных А. М. Гречишников был первым режиссером.

Осташковская знать — купцы и помещики долгое время игнорировали эту «затею простолудинов», но понемногу и они стали посещать театр. Театр креп. Сообразив, что на этом деле можно не только прославиться, но и заработать, к нему примазался купец Северов. Вскоре на афишах красовалась подпись: «Директор-распорядитель театра купеческий брат Северов второй».

Недостатком театра было отсутствие в труппе актрис: женщины не шли. Ремесло актрисы считалось в Осташкове тогда заторным. Желание роли был принужден исполнять Колокольников, обладавший высоким и чистым голосом. Только на 38-м году театра в труппе стояла первая актриса, как известует из афиши, дочь мещанина девица О. П. Запутяева.

И нужно отдать дань художественному вкусу первых осташковских актеров. Наряду с такими пьесами, как «Храбрый капитан» или «Всемирная, собирающая колосья», сами названия которых, как и фамилии авторов, давным-давно позабыты, театр с первых же дней своего существования ставил «Недоросль» Фонвизина, а затем, по мере появления в печати, и грибоедовское «Горе от ума» и гоголевский «Ревизор».

Осташки крепко любили свой театр. Актеры почти за весь пе-

риод его существования не могли пожаловаться на холодность и невнимательность публики. И все же в течение более чем 100 лет, вплоть до самой Великой социалистической революции, этот театр держался по существу только на самоотверженности и энтузиазме актеров.

Старый актер, рассказывая о прошлом театра, с волнением вспоминает, как приходилось унижаться, чтобы выпросить у какого-нибудь купца несколько аршин китайки или ситца на костюмы и фунт красок для декораций.

В один из предоктябрьских годов театр ставил «Горячее сердце» Островского. Костюмов нет. Пришлось идти по купцам выпрашивать на время старые сюртуки и шопеняные платья. После двух первых действий местный рыборотговец Зотов, неожиданно узнавший себя в образе обалдевшего от пьянства и лопи купца Курослепова, выведенного в пьесе, страшно обозлился. Он ворвался за сцену и учинил дикий скандал, разбил зеркало, разорвал декорацию, изображавшую куст жасмина, и, стащив с актера свой, одолженный на время сюртук, удалился домой вместе с чадами и домочадцами. Актеру, изображавшему Курослепова, пришлось догрызывать в франтоватом фраке из «Горя от ума».

— Смеетесь? Вам кажется, что это из старенького водевиля, а это жизнь, батенька, жизнь, — говорит старый актер, и голос его срывается от волнения. — Вам действительно все это должно казаться и нелепым и смешным, а я вот об

этом и сейчас не могу говорить спокойно.

Мы садимся на садовую скамейку. Тьма уже ступилась над городом. Грачи притихли в своих гнездах.

— Зависть — пехоронная штука, — медленно говорит актер, пабывая трубку, — по каюсь, я завидую. Завидую, ох, как завидую нынешней театральной молодежи. Я уже не говорю о том, что с их плеч никакой пьяный куличика сюртука не сдерет и что теперь государство актеру все условия создало: учись, совершенствуйся, или, как сейчас говорят, расти. Это, конечно, хорошо, прекрасно, но дело не в этом. Дело в зрителе. Вы знаете, что значит для актера зритель! Это то же, что для сички коробок, о который ее зажигают. Без хорошего коробка сичка не загорится. Не понимаете? Поясню примером. Я часто хожу в театр и, как актер, смотрю не только на сцену, но и в партер, на зрителей. И вот однажды, не помню, что тогда шло, кажется, «Коварство и любовь», сидел со мной рядом мой приятель — браковщик конзавода, грузный такой старик. Во время действия оглядываюсь на него и вижу: лицо у него расстроено и здоровенная слезинка течет по щеке на усы. Ну, знаете, разве слеза на глазах такого вот гиганта не зажжет в актере лучшие искры его таланта. И мне завидно. Да, завидно. Я думаю, насколько лучше я мог бы играть, если бы моя молодость, мой творческий расцвет проходили бы сейчас, в наше, сталинское время...

И много говорит еще этот старый актер и яростный осташковский патриот о своем родном театре. Мы узнаем, что такие пьесы, как «Горе от ума» Грибоедова и «Поздняя любовь» Островского, выдержали в сезон по 24 постановки, что лучшие пьесы в маленьком городе просматривают 8—10 тысяч человек, что во время гастролей театр тепло и радушно встречали и удомельские колхозники, и пеповские лесорубы, и металлоры Великолукского завода, и красногородские пограничники.

Он говорит о талантливых актерах театра — Левадовском, Шумском, Николаеве, которых в Осташкове знают и любят, как может быть не любил даже в свое время Колокольникова или Запутяевых, о талантливой актрисе Жуковской, об умном и вдумчивом режиссере Дроздове, помогающем коллективу создать собственное творческое лицо Осташковского театра.

Мы беседуем о театре, а в это время где-то за деревьями возникает дружная песня. Она быстро приближается. Грачи, спугнутые со своих гнезд, с тревожным граем начинают кружить над городом. Мимо нас один за другим проезжают два грузовика. В них — колхозники. Машинки свертывают на боковую улицу, и видно, как они останавливаются у подъезда театра, который уже ярко освещен.

— Вот и зритель приехал, — говорит актер. — Это, — и вам скажу, — зритель!

Он делает несколько глубоких вздохов. Трубка жинит и ржигорается, освещая старое, бритое и очень взволнованное лицо с большими карими глазами, которые горят юношеским восхищением.

Гор. Осташков.
Апрель 1939 года.